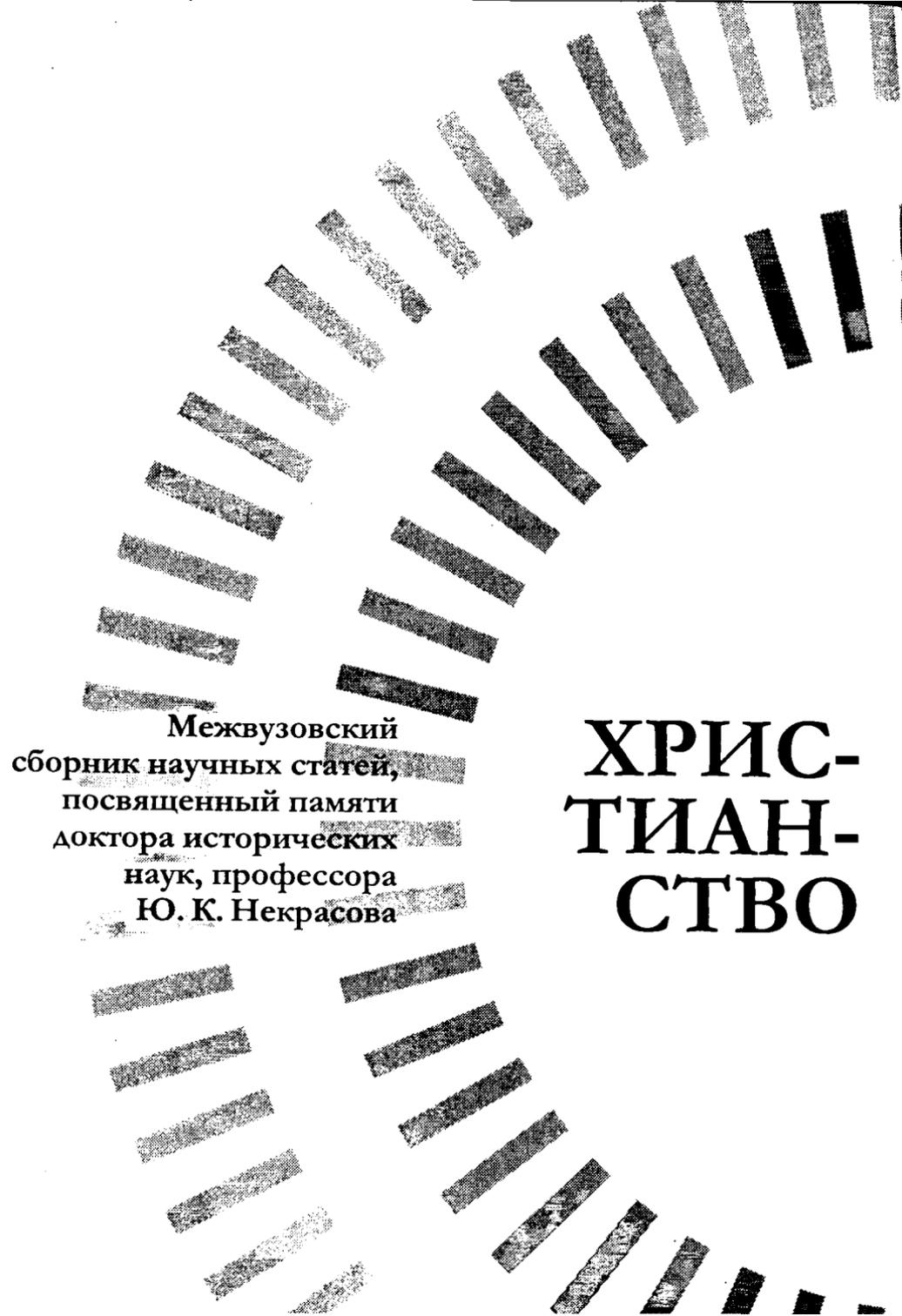

86
X93
КР1408654

ХРИСТИАНСТВО В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

*Посвящается памяти профессора,
доктора исторических наук
Юрия Клавдиевича Некрасова*

Межвузовский
сборник научных статей,
посвященный памяти
доктора исторических
наук, профессора
Ю. К. Некрасова

ХРИС- ТИАН- СТВО

В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

кр 1408654

Вологда
«Древности Севера»
2008

86
УДК 261
ББК 63.3 (4) 511
Х-93

Под редакцией проф., д.и.н. А. В. Камкина и доц. М. В. Васильевой.
Рецензенты д.и.н., проф. В. А. Саблин и к.и.н., доц. И. С. Когай.

Христианство в истории европейских цивилизаций: Межвузовский сборник научных статей, посвященный памяти доктора исторических наук, профессора Ю. К. Некрасова. — Вологда: «Древности Севера», 2008. — 248 с.

Сборник открывается воспоминаниями коллег и учеников о Ю. К. Некрасове. Составляющие сборник научные статьи посвящены широкому кругу проблем, связанных с исследованием роли христианства в истории европейских цивилизаций. Представлены работы, освещающие вопросы истории христианства в широком хронологическом диапазоне — от первых веков нашей эры до XIX века. Авторы обращаются к событиям и явлениям, имевшим место на территориях от Франции на западе до Украины и Севера Европейской России на востоке. Две статьи посвящены вопросам историографии изучения христианства.

Издание рассчитано на историков, студентов исторических факультетов вузов, учителей истории.

Издание выпущено на средства ООО «Древности Севера»

© Коллектив авторов, 2008
ISBN 978-5-93061-042-0 © Оформление. ООО «Древности Севера», 2008

Юрий Клавдиевич Некрасов (1935–2006)

Памяти Юрия Клавдиевича Некрасова (1935–2006)

27 июня 2006 года после тяжелой скоротечной болезни ушел из жизни замечательный историк-медиевист, педагог, добрый, мудрый человек – Юрий Клавдиевич Некрасов. В мае 2005 года ученики, друзья и коллеги поздравляли Юрия Клавдиевича с 70-летним юбилеем, благодарили его за совместную работу и желали творческого долголетия. В том же 2005 году увидел свет сборник научных трудов, посвященный юбилею ученого, и его очередная монография. Юбилей был полон энергии, делился творческими замыслами, но через год произошло непоправимое...

Сборник, который читатель держит в руках, подготовлен в память о Ю. К. Некрасове. Думается, что здесь нет необходимости подробно останавливаться на биографии Юрия Клавдиевича, она уже обстоятельно описана¹. Напомним лишь основные вехи его жизненного пути. Ю. К. Некрасов родился 10 мая 1935 года в городе Архангельске. Учился сначала на историческом факультете Ленинградского государственного университета, а затем на историко-филологическом факультете Вологодского государственного педагогического института (ВГПИ). С 1960 года Юрий Клавдиевич работает в ВГПИ, сначала заведующим кабинетом философии, а затем – ассистентом кафедры истории. В 1964–1967 годах он обучался в аспирантуре на кафедре истории Древнего мира и Средних веков МГПИ им. В. И. Ленина и в 1968 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1970 году стал доцентом кафедры всеобщей истории ВГПИ. В 1972–1975 годах Некрасов являлся деканом исторического факультета ВГПИ. В 1975–1977 годах находился в докторантуре при кафедре истории Средних веков МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1982 году Некрасов защитил докторскую диссертацию, а в 1985 году ему было присвоено ученое звание профессора. 27 лет – с февраля 1978 года до своей кончины – Юрий

¹ Чуюнов А. Ф. Верность призванию: к 70-летию профессора Ю. К. Некрасова // Идеология и религия в эпоху Реформации / Под ред. М. В. Васильевой. – Вологда: Древности Севера, 2005. – С. 5–9; Научные труды Ю. К. Некрасова // Там же. – С. 10–14; Верность призванию: памяти Юрия Клавдиевича Некрасова // Средние века. – Вып. 68 (4). – М.: Наука, 2007.

А. Н. Чистозвонов и Ю. К. Некрасов на конференции по проблемам германской истории. Вологда, ВГПИ, 1971 год

Клавдиевич возглавлял кафедру всеобщей истории ВГПИ (ВГПУ). В самые сложные для университета и факультета периоды Юрий Клавдиевич стремился сохранить целостность преподавательского состава кафедры и видел перспективы ее развития.

Обращаясь к жизненному пути Юрия Клавдиевича, обнаруживаешь, что его нельзя понять и оценить без учета педагогической деятельности. Этому почетному занятию Ю. К. Некрасов сохранял верность на протяжении всей своей жизни. Своим ученикам Юрий Клавдиевич был настоящим наставником, относился к ним требовательно, и в то же время чутко и заботливо, почти по-отцовски. В памяти, наверное, каждого из студентов истфака запечатлелись яркие, рельефные образы из истории европейского Средневековья, созданные талантливым лектором, умевшим заронить и развить интерес к своему предмету. Ясность концепции и образность языка в сочетании с особыми некрасовскими интонациями и юмором создавали информационно и эмоционально насыщенный диалог с аудиторией.

Сфера научных интересов Ю. К. Некрасова определилась еще в годы обучения в аспирантуре и продолжала расширяться с годами. Это история переходной от средневековой к индустриальной цивили-

лизации эпохи, социально-экономическая история позднесредневекового города, исследование возникновения явлений раннего капитализма, история Реформации и Крестьянской войны в германских землях. Ю. К. Некрасов был участником крупных международных, всесоюзных и российских конференций и симпозиумов. Он автор многих научных публикаций, редактор нескольких сборников научных трудов («Германская история эпохи Реформации: исследования и документы», «Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации» и др.). К числу наиболее значимых работ Ю. К. Некрасова относятся: монографии «Реформа или революция? Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI века» (1998), «От средневековой к индустриальной цивилизации: позднесредневековый город и ранний капитализм (по материалам Швабии и Швейцарского Союза XIV–XVI вв.)» (2003), «Торговые компании и буржуазия Южной Германии. В начале пути от средневековой к индустриальной цивилизации. 1450–1550» (2005); учебное пособие «Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции)» (1984).

Профессор Ю. К. Некрасов принимал активное участие в общественной жизни. В 1970–1980-е годы он был членом всесоюзной комиссии по историческому образованию, с 1979 года являлся членом научно-методического совета по всеобщей истории при Министерстве высшего и среднего образования СССР, возглавлял творческую группу по разработке концепции Вологодского государственного педагогического университета. В течение ряда лет, с 1992 до 1999 года, возглавлял региональную общественную организацию «Демократическая Россия» и областную организацию политической партии «Демократический выбор России».

К сказанному следует добавить, что Ю. К. Некрасов являлся научным редактором ряда учебно-методических и научно-популярных изданий (в том числе краеведческого плана), подтверждая вновь и вновь многогранность своей личности и широту эрудиции. Так, Юрий Клавдиевич был редактором научно-популярной книги «Вологда в минувшем тысячелетии. Очерки истории города», вышедшей в свет в 2004 году (второе ее издание было осуществлено в 2006 году). В ней история областной столицы представлена в целостности со времени

основания до наших дней, в неразрывной связи с основными периодами истории России и мировой цивилизации. Для воплощения в жизнь этого объемного и многотрудного проекта Ю. К. Некрасов смог увлечь и объединить большой коллектив авторов — 14 историков, музейных и архивных работников Вологды. Еще более представительной по составу авторов — 29 человек — стала вторая книга этой серии — «Вологда в минувшем тысячелетии. Человек в истории города», появившаяся в 2007 году. Заканчивать работу над ней, к сожалению, пришлось уже без Юрия Клавдиевича. Работа над книгой «Вологда в минувшем тысячелетии. Очерки истории города» отмечена присуждением Ю. К. Некрасову Государственной премии Вологодской области за 2007 год (посмертно). Сборник, который читатель держит в руках, тоже задумывался Юрием Клавдиевичем. Широта проблематики сборника объясняется давним интересом Некрасова к проблемам истории цивилизаций. Не случайно при кафедре им была организована лаборатория соответствующего профиля.

По воспоминаниям коллег и учеников, профессора Ю. К. Некрасова никогда нельзя было уличить в равнодушии к чему бы то ни было — всё происходящее находило отклик в его душе: будь то политические события в стране или мире, изменения в отечественном образовании, университетские новости или яркий футбольный матч. Прямодушие, искренность и правдолюбие Юрия Клавдиевича подкупали. И еще одна черта: близко знавшие его люди имели возможность убедиться, что семье отводилось незыблемое приоритетное место. Это настоящее, никогда не выставляемое напоказ, мужское качество было присуще Юрию Клавдиевичу в полной мере. При упоминании о любимой внучке его взгляд неизменно теплел...

Юрий Клавдиевич трудился до последних дней. Будучи в преклонном возрасте, он сохранял остроту ума и четкость пера, демонстрировал огромную тягу к научным изысканиям, подавая пример своим подопечным. Ю. К. Некрасов оставил нам в наследство свои труды — замечательное свидетельство силы его таланта и духа.

Для учеников и коллег Юрий Клавдиевич навсегда останется примером настоящего ученого и педагога, самозабвенно преданного своему делу, образцом человека, взгляды которого не могут изменить никакие внешние обстоятельства. Светлая ему память...

Коллеги

О Юрии Клавдиевиче Некрасове

*Александр Павлович Лешуков,
д. пед. н., профессор, ректор Вологодского
государственного педагогического университета*

Юрий Клавдиевич Некрасов для многих знавших его людей являлся олицетворением вузовского преподавателя. Его крупная фигура и звучный голос в нужный момент могли буквально приковать к себе внимание аудитории — и юной студенческой, и умудренной опытом преподавательской. Уверенная менторская интонация этого привыкшего выступать публично человека в нужный момент переходила в доверительную или сменялась эмоциональным всплеском.

Конечно, университет знал Некрасова не только как историка-медиевиста и главу кафедры всеобщей истории. Мы знали его как человека неравнодушного, причем это неуспокоенное состояние души становилось у него призывом к деятельности. Мне кажется, именно поэтому в период либерализации общественной жизни в конце восьмидесятых и начале девяностых годов он принял активное участие в становлении местного политического процесса. Жизнь один за другим ставила нелегкие вопросы, на которые нужно было искать ответы. Вместе с молодежью истфака профессор Некрасов стал завсегдатаем институтского политклуба, участвовал в работе регионального отделения партии «Демократический выбор России», выдвигался кандидатом в депутаты впервые избиравшегося на альтернативной основе состава областного Совета. Можно спорить об оправданности этой попытки «похода в политику», но для Некрасова это было вызвано прежде всего потребностью деятельного выражения своей гражданской позиции. Вологжане в те годы не случайно называли истфак ВГПИ единственным «политическим» факультетом в городе, и остаться безучастным свидетелем бурлившего идеологического котла Юрий Клавдиевич не мог.

Многие сегодня могут сказать, что жили в эпоху перемен. Тем более верно это высказывание для Юрия Клавдиевича. Ему, родившемуся в 1935 году, довелось разделить перипетии сложной судьбы страны второй половины XX века. Однажды в присутствии молодежи Некрасов вспоминал, как в день траура после смерти Сталина он,

тогда старшеклассник, вместе с приятелем «от души намял бока» какому-то подвыпившему мужчине, который заявил, что «туда ему, кровопийце, и дорога!» Уже вскоре юноше пришлось усомниться в праведности своего негодования. А еще Юрий Клавдиевич добавил, что дело это происходило прямо на улице Мира, которая тогда, кстати, носила имя самого Сталина.

Некрасову, старому вологжанину, во множестве были памятны такие вот подробности из истории города. И частичку памяти своего поколения о прежней Вологде он смог сохранить для нас, создав по предложению Администрации города авторский коллектив книги «Вологда в минувшем тысячелетии. Очерки истории города». Его коллеги по университету, среди которых были и недавние ученики Некрасова, вместе с сотрудниками музея и областной библиотеки создали прекрасную обстоятельную книгу об истории Вологды, повествование которой начинается в глубине Средневековья и оканчивается в наши дни, на рубеже нового тысячелетия. Эта богато иллюстрированная популярная книга вышла в свет уже дважды общим тиражом десять тысяч экземпляров.

Работа Юрия Клавдиевича над книгой о Вологде по представлению университета отмечена Государственной премией Вологодской области. К сожалению, уже посмертно...

Я, как и многие, запомнил Юрия Клавдиевича жизнерадостным: уверенно входящим в мой кабинет с увесистой рукописью новой монографии, обсуждающим что-то на ходу с коллегами по Совету университета, окруженным учениками и цветами на семидесятилетнем юбилее. В тот майский день 2005 года, когда университет чествовал юбиляра, мне особенно запомнилось выражение его раскрасневшегося улыбающегося лица. Звучало множество искренних слов благодарности и пожеланий юбиляру, и мы всё больше понимали, насколько значимым оказалось присутствие этого человека в жизни многих из нас. Некрасов был растроган и, наверное, ощущал себя в огромной наполненной аудитории как в кругу семьи. Кто из нас, день за днем посвящающих жизнь работе с молодежью, не хотел бы в ту минуту оказаться на этом почетном месте?

Нет сомнения, что высокий пример многолетнего служения на избранном поприще, поданный нам Юрием Клавдиевичем Некрасовым, сохранится во многих благодарных сердцах!

Юрий Клавдиевич Некрасов в моей памяти

*Василий Анатольевич Саблин,
д. и. н., профессор, декан исторического факультета
Вологодского государственного педагогического
университета*

«Бывают в жизни каждого человека моменты, когда он обращается к своей памяти. Можно сказать, что это приходит с возрастом, и это будет наверняка правильно. Я стал часто ворошить прошлое. И, не поверишь, окружавшие меня люди в том прошлом, какими-то стали другими, лучше и чище, чем тогда казалось», — признался как-то Юрий Клавдиевич в одном из наших разговоров. Было это чуть не за полгода до его смерти. Помню, мы тогда разговаривали о цивилизациях, о социальных стереотипах, поведенческих парадигмах общества, всплыл вопрос о православных традициях, и его реплика, казалось, находится в диссонансе с канвой разговора. Я тогда пошутил насчет реформации его сознания, чего-то добавил еще. Вместе посмеялись...

Сегодня Юрия Клавдиевича уже нет с нами, но этот разговор всплывает в памяти довольно часто. Часто, потому что представляется для меня очень важным. Каждый из нас помнит, как Юрий Клавдиевич энергично жестикулировал, волновался, когда говорил что-то существенное для него и для других. Тогда, в своем откровении он тоже был взволнован. Значит, сказанное для него не было пустой фразой. За ней я усматриваю некий значимый для него момент непреложной истины, который, верю, приходит к каждому из нас. В разное время, но к каждому.

Еще помню его рассказы о своих пращурах, об отце, но чаще всего — о деде с бабкой. О последней он говорил много и всегда восхищался ее характером, ее особенной русскостью, если можно так выразиться. И нужен ему был этот разговор, очевидно, для того, чтоб убедить себя или собеседника в прочности своего рода, в прочности тех корней, которые питают современную русскую нацию. И в этом смысле сам он был глубоко русским человеком.

Первая наша личная встреча состоялась в сентябре 1974 года. Тогда он, декан исторического факультета, пригласил меня, студента-

Ю. К. Некрасов — профессор истфака ВГПИ. 1980-е годы

первокурсника, в деканат, чтобы сообщить, что я определен «целевиком» от Кичменгско-Городецкого района, и спросил, буду ли я возражать против изменившихся обстоятельств. Я не возражал против того, чтобы после предстоящих пяти лет учебы поехать учительствовать в родной район.

На этом очень важный в моей судьбе разговор закончился, но уже в январе 1975 года состоялся второй разговор, который имел для меня еще большее значение. К первой в своей жизни экзаменационной сессии я готовился с необыкновенным тщанием. Экзамен по курсу истории СССР мы должны были сдавать Абраму Залмановичу Цинману, который неожиданно заболел, и мы, первокурсники, были определены на экзамен к Петру Андреевичу Колесникову. Из-за

волнения экзамен я сдал на тройку и, ведомый униженным самолюбием, тотчас отправился в деканат, чтобы забрать документы и распрощаться с институтом. Юрий Клавдиевич меня внимательно выслушал, потом пригласил П. А. Колесникова, и дальнейший разговор мы вели уже втроём. Экзамен я пересдал в тот же день и получил, смею думать, заслуженную четверку. Дело, впрочем, не в оценке. Два взрослых человека не только поняли, но и рассеяли наивные сомнения молодого человека, помогли, в конечном счете, стать профессионалом в своем деле. Спустя много лет мы втроём вспоминали этот эпизод, и оба моих учителя иронизировали по поводу моей тогдашней «решительности», но всё же приняли мою благодарность за преподанный урок человечности.

Видимо, жизнь предназначена для того, чтобы мы неустанно проявляли данные нам свыше человеческие качества. В этой связи приведу еще один пример из нашего общения с Юрием Клавдиевичем. Это был разговор меня, уже декана исторического факультета, и его, профессора, заведующего кафедрой. Поводом послужил проступок одного из нерадивых студентов, который на экзамене Юрия Клавдиевича опустил до оскорбительной площадной брани. После многочисленных объяснений студента я решился на разговор с Некрасовым. Готов был принять любое его решение, и всё же был немало удивлен его великодушием. Он, конечно же, возмущался, но сказал примечательные слова: «Я верю в его раскаяние. Сюда мы призваны воспитывать, надо дать ему шанс остаться личностью». После я видел этого парня, который уже после вручения ему диплома беседовал с Юрием Клавдиевичем. Думаю, можно догадаться, о чем они тогда говорили.

Конечно же, Юрий Клавдиевич вспоминается и в связи с другими жизненными ситуациями, в которых находили проявление многообразные черты его характера. Его всегда отличала определенная цельность и лаконичность суждений, гражданственность позиции — и при этом ироничность по поводу отдельных жизненных коллизий, меткость личностных характеристик, доброта и гуманность, — всё то, что искони присуще русскому интеллигенту.

До конца жизни, даже будучи смертельно больным, он хотел быть и оставался учителем в самом значимом смысле этого слова. И таким он останется в памяти навсегда.

Ю. К. Некрасов — наставник и коллега

*Александр Васильевич Камкин,
д. и. н., профессор, заведующий кафедрой теории,
истории культуры и этнологии Вологодского
государственного педагогического университета*

1968 год. В сентябре месяце перед нами, второкурсниками историко-филологического факультета Вологодского государственного педагогического института, предстал новый преподаватель истории Средних веков — молодой кандидат исторических наук Юрий Клавдиевич Некрасов. Он был спортивного вида, в сером джемпере, с гривой густых волос, с неповторимым «некрасовским» тембром баса и, что нам сразу понравилось, с неторопливой манерой чтения лекции.

Волей-неволей мы сравнивали его с отцом — Клавдием Васильевичем Некрасовым, который годом раньше читал нам курс лекций по истории КПСС. Схожего было много — основательность, неторопливость, интонационность и строгость. А еще — искреннее уважение к знающему студенту, к его начитанности, неподдельной любознательности и любви к истории.

Мне вспоминается продолжительный разговор с Юрием Клавдиевичем, который состоялся где-то в январе 1969 года на третьем этаже институтского здания по улице Мальцева, 2, около деканата историко-филологического факультета (в этом помещении ныне размещается моя кафедра). Мы проговорили часа полтора. Тема беседы была широкой — от монографии А. И. Неусыхина о формировании зависимого крестьянства в средневековой Европе и проблем интерпретации исторического источника до соотношения исторического и педагогического аспектов в подготовке учителя истории.

Конечно, сейчас я понимаю, насколько наивными были мои суждения. Скорее, это было желание хорошо выглядеть в глазах уважаемого преподавателя. Но на меня большое впечатление произвел его талант вести диалог на равных, умение слушать собеседника, соглашаться с удачными мыслями и радоваться общим наблюдениям.

Юрий Клавдиевич с трудом переносил плохой, глупый ответ студента. Он никак не мог скрыть раздражения. Это было видно по

*Группа преподавателей и сотрудников исторического факультета ВГПИ
на первомайской демонстрации. Середина 1980-х годов.*

*На переднем плане (слева направо): А. В. Камкин, Ю. К. Некрасов,
Л. Н. Молькова, Л. И. Безнина, И. С. Суханова, Н. В. Соколова*

всему: он тяжело и шумно дышал, его лицо выражало в этот момент крайнее недовольство, руки нервно перебирали авторучку и экзаменационную ведомость. Наконец, он прерывал ответ и высказывал всё, что думал по поводу услышанной нелепицы. Высказывал прямо, без дипломатической уклончивости.

Вот таким он помнится мне со времен студенчества.

Минуло двадцать лет. На дворе — 80-е годы. Я уже не студент, а коллега Юрия Клавдиевича Некрасова. В конце 1980-х, когда я работал в должности заместителя декана исторического факультета, а Юрий Клавдиевич заведовал кафедрой всеобщей истории, наши отношения с ним развивались уже в другой плоскости.

Он близко к сердцу, искренне и бесповоротно принял демократические и либеральные ценности и в глазах студенчества стал, как, шутя, выражались мои коллеги, «отцом русской демократии». Он активно поддержал студентов, горячо включившихся в демократическое преобразование общества. Он не только посещал популярный тогда в нашем институте политклуб, но и, как мог, защищал его юных активистов от нападков консерваторов и коммунистов.

Поразительно, но он интуитивно оказался более точен и последователен в своих политических действиях и предчувствиях, чем мы, его младшие коллеги. Студенты (и не только они) это чувствовали. Из строгого преподавателя истории средневековой Европы он стал лидером либерального крыла формировавшегося тогда политического спектра Вологды.

Не могу не отметить и его серьезного научного подвига. Он многое пересмотрел в своих взглядах на суть исторического процесса эпохи раннего капитализма в Европе. Как-то при встрече он сказал мне, что пишет книгу, в которой мучительно, капля за каплей, «выдавливает» из себя марксиста. Речь шла о его монографии «Реформа или революция...» Все мы хорошо знаем, что на пересмотр методологических позиций решится далеко не каждый исследователь. Он же сумел преодолеть ограниченность довлевшего ранее метода и попытался на хорошо им изученное и однажды уже интерпретированное взглянуть с новых позиций.

За несколько дней до кончины у меня была с ним краткая встреча на улице Сергея Орлова, неподалеку от старого здания университета. Я спросил: «Как дела?» Как-то по-стариковски крякнув, Юрий Клавдиевич ответил: «А-а-а! Лет слишком много!» То ли он не совсем точно понял, о чем я спрашивал, то ли ответил на какой-то свой внутренний вопрос. Но в словах его было какое-то предчувствие — задумал-то я еще много чего, да успею ли?

Наверное, много он не успел. Но главное сделал — показал, как можно прожить жизнь цельно и порядочно.

Мои воспоминания о Ю. К. Некрасове

*Марина Сергеевна Черкасова,
д. и. н., профессор кафедры теории,
истории культуры и этнологии Вологодского
государственного педагогического университета*

Юрия Клавдиевича Некрасова я узнала в первые же годы своей работы на историческом факультете ВГПУ (с сентября 1993 года). Он в течение многих лет был председателем государственных аттестационных комиссий, и мы тесно сотрудничали на выпускных экзаменах и защитах дипломных работ. Нередко в перерывах между обсуждениями Юрий Клавдиевич делился какими-нибудь интересными эпизодами своей студенческой и аспирантской учебы, рассказывал о поездках в Германию, о встречах с крупными учеными в Москве и Ленинграде. Мне в память врезалась его фраза, что «тогда я ни о чем, кроме Средних веков, не мечтал».

После своего приезда с докторской защиты в МГУ в ноябре 2001 года Юрию Клавдиевичу первому я подарила свой автореферат, а спустя несколько лет и книгу. Он мне потом говорил: «С интересом заглядываю в Ваше "Землевладение...". У меня ведь и бюргеры, и мужики ой как землю тоже ценили, денежки умели считать и при случае стремились их в нее вкладывать».

Потом несколько лет мы с ним вместе заседали в диссертационном совете. О чем думал он тогда, слушая про бесконечные колхозы и совхозы или же чиновничество советской эпохи? А может, соизмерял диапазон между собой-медиевистом и своим отцом Клавдием Васильевичем, историком партии? Мне кажется, сын здесь представлял существенный шаг вперед, хотя и в пределах одной – советской – эпохи. Юрия Клавдиевича я всегда уважала и за обширные знания по всеобщей и отечественной истории, и за какую-то неспешность в суждениях, умудренность, опытность, за принципиальность в отношении студентов. Это относилось и к суждениям относительно нашего недавнего прошлого, и к Великой войне, и к произошедшему на глазах нашего поколения объединению двух Германий. Последний раз в жизни нам довелось встретиться на ученом совете университета в мае 2006 года.

Бывая в Москве, я слышала самые высокие отзывы о нем как ученом-германисте и от молодых коллег-специалистов по медиевистике (М. А. Бойцова, на кандидатскую диссертацию которого Некрасов давал отзыв, от своего почти однокурсника И. С. Филиппова, от декана истфака МГУ академика Ю. С. Кукушкина, от уважаемых А. Л. Ястребицкой, А. А. Сванидзе, Л. П. Репиной). Юрий Клавдиевич и сам умел целеустремленно работать, и в других это ценил, в том числе в людях более молодого поколения, чем он сам. И о монографии А. В. Коптева (два десятка лет отдавшего истфаку ВГПУ) про колонат, и о книге И. С. Филиппова «Средиземноморская Франция в раннее Средневековье» Некрасов при мне отзывался с искренним уважением и восхищением. А какие добрые слова были им сказаны на юбилее А. В. Камкина в феврале 2000 года в адрес учебников «Истоки»! Причем ссылался Юрий Клавдиевич при этом и на мнение любимой внучки Саши.

Издание на последнем отрезке жизни трех капитальных монографий — свидетельство значительного научно-исследовательского потенциала, накопленного Юрием Клавдиевичем в течение многих лет работы. Сразу вспоминаются слова В. О. Ключевского о том, что в биографии ученого главные события — мысли, главные факты — книги. Да, книги — основное, чем по-настоящему увековечивает себя ученый, как ни выпренно это звучит. А ведь Некрасов писал и издавал их уже будучи пожилым человеком, обремененным болезнями. Да и время для исторического знания наступило нелегкое — рушились основы прежней методологии, но Некрасов творил за письменным столом (нашим основным «станком»), как средневековой мастеровой, неустанно продолжая труд, неспешный и нелегковесный. И этим стилем работы Юрий Клавдиевич остался мне дорог как ученый.

Важно и то, что все три книги Некрасова вышли именно в Вологде. Кто еще и когда по сложнейшей классической тематике, одна только прикосновенность к которой сама по себе может стать предметом гордости, окажется у нас на это способен? Живя в провинции, работая в провинциальном пединституте, освоить такие проблемы, такие источники, так знать иностранные языки и зарубежную научную литературу! Уже одним этим Юрий Клавдиевич составил честь вологодскому истфаку, став настоящим университетским профессором,

настоящим мэтром. Под стать и запавший в сердце его величавый облик — эта седая грива, неторопливость походки, скрытый юмор в разговоре.

Рискну еще сказать и о «неудобном». Ученый и политика. Повышенный интерес к ней у Юрия Клавдиевича в 1990-е годы в моих глазах авторитета ему не добавил. Думаю, что ученый может быть самодостаточен: выразиться в науке, вырастить учеников. А сфотографироваться рядом с Гайдаром или Хакамадой, участвовать в местных выборах — это уже из области тщеславия. На фоне собственных книг и обширных познаний это может оказаться несерьезным по сути и бесславным по результатам, хотя, конечно, превращения российских историков в политиков известны — вспомним П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, М. Н. Покровского.

В конце жизни Юрий Клавдиевич сумел организовать интересное историко-краеведческое исследование по Вологде, создать работоспособный творческий коллектив, по преимуществу молодой. И не случайно книга «Вологда в минувшем тысячелетии» вскоре после первого издания вышла вторично, имеет заслуженный успех у читателей, а Юрий Клавдиевич как руководитель проекта посмертно стал лауреатом Государственной премии Вологодской области.

Когда в мае 1996 года факультет и множество других людей прощались с профессором Петром Андреевичем Колесниковым, Юрий Клавдиевич прочел вот эти проникновенные строки:

Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

И этими, кстати, тоже некрасовскими строчками, я хочу закончить свои краткие воспоминания о Юрии Клавдиевиче.

Воспоминания о Юрии Клавдиевиче Некрасове

*Андрей Анатольевич Микешин,
к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории
Вологодского государственного
педагогического университета*

Когда в 2005 году мы отмечали 70-летний юбилей Юрия Клавдиевича, я и представить себе не мог, что скоро настанет день его кончины и кафедра будет готовить сборник, посвященный памяти нашего заведующего.

Я помню, как более двадцати лет назад впервые увидел его в лекционной аудитории — это был энергичный, подтянутый мужчина с проседью в волосах. Именно на его лекциях и семинарах для меня открылся богатый, красочный мир европейского Средневековья. В то же время Юрий Клавдиевич читал глубоко, его аргументация была отточенной, логика ясной, чувствовалась увлеченность предметом. «Я ходил на лекции к Некрасову, как на праздник», — говорил мой товарищ-однокурсник, впоследствии преподававший в Череповецком университете. Это мнение разделяли многие студенты.

Более близко я познакомился с Юрием Клавдиевичем, когда он стал руководителем моей курсовой, а затем и дипломной работы. Он охотно давал консультации, щедро делился идеями. Это помогло мне готовиться и к докладам на студенческих конференциях. Авторитет профессора Некрасова как медиевиста я почувствовал, когда впервые поехал на студенческую научную конференцию в Новгород. После моего выступления профессор истории Древнего мира сказал: «Доклад хороший. Я не знаю тонкостей темы, но я знаю Юрия Клавдиевича. И с плохим докладом его студент не поехал бы на конференцию в другой город».

Когда я после нескольких лет работы в сельских школах поступил в аспирантуру, моим научным руководителем стал профессор Некрасов. Научным руководителем Юрий Клавдиевич был требовательным и компетентным. Он направлял работу подопечного, ставил проблемы, не подталкивая к готовым выводам. Сегодня его бывшие аспиранты преподают на кафедре всеобщей истории ВГПУ, некоторые уже без него завершают работу над кандидатскими диссертация-

ми. В Вологде складывалась школа медиевистики, но вот получит ли этот процесс развитие после ухода из жизни Ю. К. Некрасова?

Высокую оценку профессионализма Некрасова в разное время мне приходилось слышать от таких известных отечественных медиевистов, как И. А. Дворецкая, А. Л. Ястребицкая, Л. П. Репина, М. А. Бойцов, С. А. Фараджева, В. Л. Керов, О. В. Трофимова, Ю. И. Писарев, И. Л. Григорьева и других. Разумеется, изучать немецкую историю лучше всего в Германии, возможно в Москве или Санкт-Петербурге, и очень трудно в провинции. Занимаясь в областном центре проблемами раннего капитализма и Крестьянской войны в Германии, Юрий Клавдиевич добился успехов. Медиевистика стала главным делом его жизни.

Профессор Некрасов — личность многогранная. С ним было интересно побеседовать и о последних матчах нашей сборной, о футболистах прошлого и настоящего. Очень ценил он форварда своего любимого «Торпедо» Эдуарда Стрельцова. Поговаривали, что тот, кто хорошо знает последние матчи этого футбольного клуба, имеет шансы получить повышенный балл на экзамене. Полагаю, что это — шутка. Экзаменатором он был объективным. Неоднократно мы с ним сидели на защитах дипломных работ, принимали кандидатские экзамены. Исследовательский уровень работ он чувствовал прекрасно.

Юрий Клавдиевич любил праздничные посиделки на кафедре, был интересным рассказчиком. Личности медиевистов знаменитых и незнаменитых, картины прошлых лет оживали перед глазами его собеседников. Трудно всю эту атмосферу передать словами.

Его не хватает на факультете. Идешь по коридору второго этажа и кажется, что откроется дверь кафедры, выйдет Юрий Клавдиевич, и вновь почувствуешь гордость от того, что работаешь рядом с настоящим ученым-историком.

Воспоминания о наставнике

*Анна Викторовна Савина,
старший преподаватель кафедры всеобщей истории
Вологодского государственного
педагогического университета*

В первый раз я увидела Юрия Клавдиевича в студенческой аудитории первого сентября 1997 года. Мы, первокурсники, с нетерпением ждали начала первой в нашей жизни лекции. Седовласый профессор, одним своим видом внушающий уважение и вселяющий трепет в сердца первокурсников, взошел на кафедру. Он должен был читать нам «Введение в историю». И вдруг Юрий Клавдиевич, вместо того чтобы начать открывать нам глубины науки, заговорил с неподдельным огорчением в голосе, сокрушенно покачивая головой: «Бедная, бедная принцесса! Такая красивая женщина, и надо же такому случиться!» Речь шла о произошедшей накануне трагической гибели принцессы Дианы... Помнится, мы переглянулись: было удивительно, что строгий с виду профессор, «небожитель» в наших глазах, так впечатлен и тронут этим, казалось, далеким от исторической науки событием. Так мы познакомились с Юрием Клавдиевичем — историком и человеком. Этот эпизод очень запомнился мне: первое впечатление, как известно, самое сильное.

А потом было еще много его лекций. И каждый раз он продолжал удивлять — своей живостью, непосредственностью реакций, эмоциональностью изложения. Средневековая история, конечно, сама по себе захватывающее явление, но, чтобы оживить ее, приблизить к студенту, зажечь интерес, нужен талант, который у Юрия Клавдиевича, несомненно, был. Благодаря его лекциям знакомые со школы образы Карла Смелого, Жанны д'Арк, Мартина Лютера и многих других обретали новые яркие краски, чтобы остаться в памяти большинства слушателей навсегда. При этом Юрий Клавдиевич прекрасно обходился без театральности, патетики и высокопарности — с хитрым прищуром, иронически или с грустью в голосе он доносил до слушателей живое дыхание истории.

Он всегда умел разряжать накаленную, неуютную атмосферу — на экзаменах, на защитах дипломов, на заседаниях кафедры — шуткой,

доброй улыбкой, воспоминаниями. Последние я, будучи аспиранткой Юрия Клавдиевича, слушала часто и с удовольствием. Он при случае рассказывал о годах учебы в школе, своих школьных приятелях, о том, как (если бы не травма!) чуть не стал футболистом. Футбол, конечно, был его неизбывной любовью — он мог бы, наверное, часами вспоминать, как играли Стрельцов или Гарринча. Любил рассказывать об учебе в Москве, о «зубрах» нашей науки, которых знал, с которыми общался и дискутировал, о мире советской медицины, который ему довелось узнать изнутри.

Как и подобает профессору, он был требователен, мог сурово отчитать, не гнушаясь резать «правду-матку» в глаза. При этом гнев его был неизменно справедлив, так что в итоге провинившемуся сердиться было не на что, оставалось только досадовать на себя. Несмотря на довольно крутой нрав, Юрий Клавдиевич не был замечен в авторитарности. Напротив, как преподаватель, как руководитель, он был весьма либерален, точнее, демократичен. Умел так общаться со студентами и аспирантами, что не возникало чувства пренебрежения или снисхождения, хотя «иерархия» в отношениях полностью соблюдалась. Речь не шла о заигрывании или панибратстве, демократичный стиль общения был органично присущ Некрасову.

Меня поражало его трудолюбие (он всегда был в работе над какой-нибудь книгой), его организованность (коллеги и аспиранты знали, что у него особый нерушимый распорядок дня), не говоря уже о широте его научного кругозора, методичности ума, высоких профессиональных качествах. Мне повезло учиться у Юрия Клавдиевича в качестве студентки и затем аспирантки, трудиться под его руководством на кафедре всеобщей истории в качестве преподавателя. Надеюсь оправдать чаяния, которые он возлагал на меня в отношении научной деятельности. Делать это легче, когда есть на кого равняться. У меня такой пример есть.

О нашем профессоре

*Павел Николаевич Лебедев,
аспирант кафедры истории Древнего мира Института
восточных культур и Античности Российского
государственного гуманитарного университета*

Юрий Клавдиевич Некрасов читал нам курс истории Средних веков классического периода во втором семестре второго курса. Это было в 2004 году. Знакомство наше началось в виде шутки, сделанной сразу же после представления: «То меня именуют Юлием Клавдиевичем, подразумевая, видимо, римскую династию, то Юрием Юльевичем... Вы не путайте!» Это был для нас первый пример той непринужденной атмосферы, ничуть не стесняющей живой интерес к курсу формальной строгостью, которая установилась и поддерживалась на всем протяжении учебного курса. И сам по себе интересный период в рассказах Юрия Клавдиевича просто расцвел, поражая яркостью образов и жизненностью описаний.

Характерной чертой лекций профессора Некрасова было то особенное внимание, которое он уделял героям средневековой эпохи, отдельным личностям. Как ни странно, наука о людях прошлого во многих случаях толком не обращает внимания на отдельную человеческую личность, витая в сферах много более обобщенных или абстрактных. Юрий Клавдиевич неоднократно показывал и доказывал нам, что судьбы государств и учений вершили зачастую именно личности, герои своего времени. О каждом упоминаемом им значимом историческом деятеле находились у него особые слова, порой точные детали-определения: «великий мастер народной проповеди», «выглядел простофилей, но какое же это было обманчивое впечатление», «он был наиболее слабым среди князей, роста маленького, но княжество свое увеличил в четырнадцать раз», «бездарный полководец, глупый политик, зато буйного нрава»... Историю Средних веков благодаря Юрию Клавдиевичу мы увидели с человеческим лицом, не исключаяющей и истории взаимоотношений мужчин и женщин в различных ситуациях и эпохах. Мы убедились, что французская поговорка «шерше ля фам» порой совершенно справедливо звучала в рассказе о тех или иных событиях.

Ю. К. Некрасов за рабочим столом. 2005 год

В то же время тщательнейшим образом разбирались на лекциях и теоретически сложные проблемы, рассказ о которых сопровождался описанием хода дискуссий по поводу путей их разрешения и трактовки. Профессор Некрасов умел объяснить доступно и проблему происхождения средневекового города, и различные аспекты аграрной истории, проблемы истории и положения католической церкви в Средние века... и, конечно же, особенно историю периода Реформации, крайне запутанную и насыщенную множеством еще ожидающих своего ответа вопросов. Всё это подавалось очень доступно и исчерпывающе ясно. Даже трудно ответить, какими средствами этой ясности для нашего понимания предмета добивался преподаватель... Мы уверены, что дело тут в самой личности Юрия Клавдиевича и в его глубочайшем знании эпохи, огромном опыте и возникшем на этой почве подлинном искусстве историка.

Помню, как, например, при рассказе о современных теориях образования раннесредневековых городов профессор Некрасов порой ненароком обнаруживал перед нами личное знакомство с тем или иным видным исследователем, дополняя его позицию по проблеме несколькими яркими штрихами из опыта личного общения.

Кто-то с нашего курса очень точно заметил, что на лекции по Средним векам ощущаешь себя словно в сказке, в исторической сказке. Неизвестно, тембр ли речи, глубина и насыщенность тона, периодические небольшие личностные зарисовки, логическая цельность рассказа Юрия Клавдиевича создавали эту неповторимую атмосферу (более никогда нами не испытанную на других учебных курсах), но мы все ею искренне наслаждались.

Главное, что сами лекции проходили для нас не по разные стороны преподавательской кафедры, но как будто в едином действе. Наш профессор никогда не пытался установить дистанцию или отстраниться от современной жизни. Он всегда мог рассказать какую-нибудь поучительную историю (порой из своего богатого жизненного опыта) или прокомментировать актуальную новость (например, причины победы российской сборной над сборной Греции на чемпионате мира по футболу) и никогда не оставлял без внимания задаваемые ему вопросы (которых всегда находилось порядочно, хотя вообще это на нашем курсе не было правилом).

И, что весьма ценно и значимо для студентов, для подготовки к экзамену по курсу Юрия Клавдиевича в поисках ответов на важнейшие вопросы было незачем заваливать свой стол различными учебниками и пособиями, так как на протяжении лекционного курса всё необходимое излагалось с достаточной полнотой и подробностью. Зато можно было уделить время знакомству со специальной литературой по какой-либо особенно заинтересовавшей теме.

Мы искренне уважали профессора Юрия Клавдиевича Некрасова и благодарны ему за ту эпоху, которую он нам подарил.

Книги остаются...

*Марина Викторовна Васильева,
зав. кафедрой всеобщей истории ВГПУ,
зав. издательским отделом ООО «Древности Севера»*

*Александр Валерьевич Суворов,
директор ООО «Древности Севера»*

Нам довелось быть в разное время и учениками, и коллегами Юрия Клавдиевича. Наши встречи с ним были частыми, и носили они главным образом деловой характер, были посвящены решению насущных рабочих вопросов. Но зачастую это сотрудничество переходило на иной уровень — уровень совместного творчества, соперничества общему делу. Наверное, по прошествии времени будут помниться именно эти эмоционально насыщенные моменты совместного преодоления трудностей, удовлетворения результатами труда и радости общих успехов. Память обладает особым свойством: обращаясь к событиям прошлого, сквозь дымку забвения перестаешь видеть повседневное и суетное, не как будто яснее различаешь значимость событий, суть отношений.

Будучи гораздо моложе Юрия Клавдиевича, мы воспринимали его как умудренного опытом человека, авторитетного руководителя и наставника. Его суждения были основаны на жизненном опыте и научной эрудиции, а планы базировались на взвешенном представлении о возможности их осуществления. Воздушных замков Некрасов не строил. Ему, выросшему в непростые годы и прошедшему хорошую жизненную школу, было присуще какое-то особое понимание окружающей реальности. Казалось, ему были известны направления вращения и сила движения тех разновеликих приводных ремней и рычагов общественной машины, которые могли способствовать или же оказывать сопротивление реализации того или иного замысла. Как опытный педагог и руководитель он хорошо понимал людей, здраво оценивал их стремления, знания и потенциал. И, чутко прислушиваясь к чужим аргументам и мнениям, готов был разделить их и при необходимости принять на вооружение. Умение увидеть и оценить деловые и творческие способности людей запомнилось как одно из важных качеств Юрия Клавдиевича.

И еще в нашей памяти сохраняются дела, которые выдерживают проверку неумолимым натиском времени. Такими делами для Юрия Клавдиевича прежде всего были книги. В последнее десятилетие в издательстве «Древности Севера» совместно с Некрасовым нам удалось воплотить в жизнь несколько интересных замыслов. К их числу относятся публикации двух его фундаментальных монографий, межвузовского сборника научных трудов и двух научно-популярных книг серии «Вологда в минувшем тысячелетии» («Очерки истории города» и «Человек в истории города»). Трепетное отношение Юрия Клавдиевича к изданию результатов научного труда сквозило во всём: от выверенной фактографии, часто опиравшейся на его собственные переводы со старонемецкого, до не раз правленной стилистики, тщательного оформления рукописи и внимания к подготовке оригинал-макета. Еще и сейчас увесистые папки собственноручно отпечатанных Юрием Клавдиевичем на пишущей машинке листов, чуть пахнувшие крепким табаком, и папки с его редакторской правкой занимают немалое место в нашем издательском архиве. Ясности и стилистической завершенности он требовал и от авторов, с которыми работал как научный редактор. Создание большой единой книги из разнородных рукописей коллег-историков, работников музеев, архивов и библиотек требовало немалых трудов всех членов редколлегии. «Ну-у-у, Марина!» — порой разводил руками Юрий Клавдиевич, раскладывая листы, казалось, завершенной, но в очередной раз переделанной нами вёрстки с новыми иллюстрациями, правками и вставками. И, водрузив на переносицу очки и взяв ручку, тут же погружался в материал, чутко прислушиваясь к нашим пояснениям и обоснованиям. Стремление исполнить работу творчески, как можно лучше, было ему понятно. И он не жалел на это сил и времени. А с каким удовольствием Юрий Клавдиевич от корки до корки перечитывал только что вышедшие в свет (до этого вычитанные множество раз в процессе их подготовки) книги!

Закономерно, что Ю. К. Некрасов как редактор книги «Вологда в минувшем тысячелетии. Очерки истории города» удостоен Государственной премии Вологодской области. Жаль, что посмертно...

Хочется думать, что книгам, в создании которых участвовал Юрий Клавдиевич, уготована долгая жизнь. Пусть долгой и благодарной будет и память об этом человеке.